

и, являясь, с одной стороны, чем-то как бы обыденным, становятся важной точкой осмысления и сопереживания бытия. Подобного рода записи делаются крайне редко по причине несовершенства методики фольклористической собирательской работы, но они наглядно показывают, что рассказы о чудесах можно вынести за рамки мистического опыта и их содержание нельзя объяснить исключительно особенностями религиозного сознания, спецификой жанра или фольклорной поэтикой. Они являются уникальным социокультурным феноменом, выяснение специфики функциональной природы которого еще впереди.

Литература

Адоньева 2004 — Адоньева С. Б. Прагматика фольклора. СПб., 2004.

Базилишина 1997 — Базилишина М. Р. Устный народный рассказ: функциональная природа жанра. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 1997.

Кляус 2005 — Кляус В. Л. Притчи старообрядцев Литвы: функциональные аспекты бытования (из опыта полевых фиксаций) // Балтийские перекрестки: этнос, конфессия, миф, текст. Спб., 2005. С. 338—343.

Кулешов, 1998 — Кулешов Е. В. Народные рассказы о христианских чудесах в устном и письменном бытовании: опыт типологизации // Славянские литературы. Культура и фольклор славянских народов. XII международный съезд славистов (Краков, 1998). Доклады российской делегации. М., 1998. С. 493—500.

Покровский, Зольникова 2002 — Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д. Староверы-часовенные на востоке России в XVIII—XX вв.: Проблемы творчества и общественного сознания. М., 2002.

Календарь 1999 — Православный календарь. Иркутск, 1999.

Сны 2001 — Сны и видения в народной культуре. Мифологический, религиозно-мистический и культурно-психологический аспекты / сост. О. Б. Христофорова. М., 2001.

Старообрядчество 1996 — Старообрядчество. Лица, предметы, события и символы. Опыт энциклопедического словаря. М., 1996.

Тарабукина, 1998 — Тарабукина А. В. К характеристике прицерковной культуры: семантика образа святого места в фольклорной традиции восточных славян // Славянские литературы. Культура и фольклор славянских народов. XII международный съезд славистов (Краков, 1998). Доклады российской делегации. М., 1998. С. 482—492

Чиркова 1997 — Чиркова О. А. Поэтика современного народного анекдота. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1997.

Е. В. САФРОНОВ
(Ульяновск)

ЧУДЕСНОЕ В СНОВИДЕНИЯХ

Чудо, чудесное в языке и культуре определяется, прежде всего, как преодоление повседневности — необычные явления и события, объяснение которых невозможно или лежит в сфере ирреального, сверхъестественного, божественного [Ле Гофф 2001, 41—82; Фрумкин; Сукина; Лосев 2001; Даль 1998, 612; Ожегов 1998, 889 и др.]. Это определение позволяет говорить об очевидной близости концептов «сновидение» и «чудесное»: сновидения в современной культуре также нередко противопоставляются повседневности [Толстой 1994, 91], осознаются как «окна в другую реальность» [Руднев 1997, 281] и выполняют функцию «реплики потустороннего мира» [Панченко 2002, 88]. «Реальность сна чудесна и не нуждается в объяснении» [Исупов 2007, 527].

Чудесное в рассказах о сновидениях не всегда жестко противопоставлено обыденному и повседневному¹. Например, явление умершего во сне воспринимается, безусловно, как чудо. В то же время оно может быть закономерным и расцениваться как ответный шаг на определенные действия сновидца или его окружения.

Так, смерть некрещеного человека (обычно — младенца) в народно-православной культуре считается нарушением традиционных правил, ведущим к тяжелым последствиям для посмертной судьбы покойного. Согласно поверьям, на том свете такие дети слепы и безымянны, даже в том случае, когда им успели дать имя [Зеленин 1995, 182; Кабакова 1999, 86—87]. К «непрощеным грехам» относится и совершение аборта, которое также влияет на условия

¹ Материалом для статьи послужили тексты, записанные в 2004—2008 годах на территории Ульяновской области. Учитываются, главным образом, рассказы об иномирных снах, т. е. повествования, в основе сюжета которых лежит описание контакта с инобытийными персонажами (подробнее об этой группе текстов см., напр.: [Толстая 2002; Сафронов 2006]).

существования человека после смерти [Листова 2001, 2002]. Приведенный ниже рассказ о сне является своеобразной иллюстрацией (и подтверждением) указанных представлений. Чудесное явление покойника в цитируемом тексте представляет собой закономерное ответное действие на совершенные сновидицей нарушения нравственных норм (не окрестила ребенка, пыталась сделать аборт): «Аборт-то ведь грех-то будет непрощеный. А я вот первого-то делала, вроде заврѣмненны роды; ну, там месяца три, может, было, а потом, значит, это — раздумала я: он у меня стал ворочаться, ворочался. И все-таки до семи месяцев дотянула и это родила я его, живого. Ну, его тут... назвали имечком Иван. <...> Он пять минут пожил да помер. Ему тятя гробик сделал вот с этим... на кладбище... И вот он мне приснился во сне. Вот у нас тут церковь ведь была, церковь-то... А народу будто много в тамбуре, а я в белом платке обвязана, ну, а он тут, как будто его кто-то водит и водит, как провожатый. Но он [сын] меня не узнаёт: ну, он слепой, некрещеный. <...> А он будто его водил-водил, провожатый-то, да как-ак подведет ко мне: “Иван, — грит, — безымѣнный, слепой — вот она!”. Мамоньки!, — я прям проснулась, напугалась... Вот, ну, как это? Конечно, чудо, ну, приснился во сне... Ну, он — Иван, назвали ему имечко-то, а он некрещеный все равно...» (зап. от Е. В. Суслиной, 1921 г. р., в с. Потьма Карсунского р-на [АА 2005]).

В рассказах о явлении покойника, повествующего о своем пребывании на том свете, инобытие нередко представлено как подобное нашему миру, обусловленное им. Благодаря такому описанию преодолевается граница между сверхъестественным и повседневным, чудесным и обычным: «Вот мама моя видала сваво [умершего] сына. Говорит: “Как ты там, сынок, живѣйшь?”. А он ей сказал: “Хорошо, мама... Ну, также мы живем, как и здесь вы живете: и работаем также, — а он шофѣром работал, — шофером я работаю там, у нас есть над нами бригадир, и вот мы все работаем под ее руководством”. Это вот Елизавета Ивановна Козлова, она механизатором была, она умерла, да, он вперед ее умер» (зап. от В. И. Андриановой, 1940 г. р., в с. Потьма Карсунского района [АА 2005]).

Условия пребывания человека на «том свете» зависят, прежде всего, от соответствия его собственных поступков при жизни нормам христианской морали. «Он [умерший сосед — Е. С.] стоит в старой фуфайке, в старой шапке... “Ой, — грит, — Валентина, как, грит, мне там плохо!” — “А что, мол, тебе там плохо?” — “Не принимают, грит, меня нигде”. Вот... А почему не принимают — он жил раньше с сестрой со своей, он — грешный, вот поэтому, поэтому ему и плохо...» (зап. от В. И. Андриановой, 1940 г. р., в с. Потьма Карсунского района [АА 2005]).

Часто встречаются рассказы, в которых покойник обращается к живым с просьбой об определенных действиях, от которых зависит происходящее в ином мире. «А потом она [умершая сестра — Е. С.] мне говорит: “Ты меня проводи!”. Я пошла ее провожать на кладбище. На кладбище пришли, я ее спрашиваю: “Как ты отсюда выходишь?”. Она говорит: “Меня отпускают”. — “Ты мне хоть Расскажи чего”. — “Нет, я тебе не скажу ничего! Ты скажи только Мане Кострюковой: ее сын ходит в очередь за хлебом, и ему не дают...” <...>. А у этой Мани Кострюковой был мальчик, она помолodu похоронила, она забыла про него, не поминает...» (зап. в от З. И. Морозовой, 1933 г. р., в с. Коржевка Инзенского района [ФА КЛ УлГПУ 2000. Соб. А. Зевакина, Т. Попова]).

Таким образом, чудесное в сновидениях нередко не противопоставлено обыденному, а сопряжено с ним. Рассказы о снах подтверждают и укрепляют традиционные представления и правила, являются реакцией на их нарушение.

Более того, сновидения о покойниках могут восприниматься как желанные, их отсутствие переживается как нарушение нормы, странность: «У меня у самой вот три брата — один на войне, а два умерли. <...> И мать с отцом померли, и свекор с свекровью померли, и никогда не снятся. И муж помер, уж вот двадцать шесть лет, двадцать седьмой [прошло после смерти — Е. С.], — и никогда не снятся — я индо удивляюсь» (зап. от З. С. Гусевой, 1925 г. р., в с. Барышская Слобода Сурского района [АА 2006. Соб. Е. Сафронов, А. Карвалейру, А. Липатова]). «Я вот, у меня мама умер-

ла, девяносто ей три года. Я все время ей: “Мам, ну, приснишь ты хоть во сне мне!”. Как я ее каждый день вспоминаю, каждый день я ее поминую. Вот давеча пошла в посадку за грибами, говорю: “Мам, помоги мне маненько хоть набрать грибов-то”, — я целое ведро набрала. Ну, и вот пришла и говорю: “Мам, набрала ведь я грибов-то, ну, что ты никогда мне не приснишься?” — нет, не снится никогда, а поминать — поминую всегда» (зап. от А. А. Волгушовой, 1932 г. р., в с. Засарье Сурского района [АА 2006]).

К проявлению чудесного в сновидениях можно отнести явление сакральных и инфернальных персонажей.

Как и в снах об умерших, такой приход может быть мотивирован неправильными действиями живых. В силу статуса являющихся персонажей данные сновидения чаще осознанно переживаются как чудо, вторжение сверхъестественного в обыденное: «Три раза она у меня болела тифом, мать... Заболела и: “Будет вот, говорит, полегше — пойду к Николай Угоднику” [на Никольскую гору, местную святыню — Е. С.]. И ослепла: чуть-чуть видит, — вот Николай Угодник. Ну, ладно всё — свекровь, вот эта вот Пелагея, не идем и не идем, всё не идем и не идем... Я, говорит, заснула, и мне сразу же всходит старичок — седенький, небольшой, кричит, и говорит: “Доченька, обещала мне рубашечку шить-то, а всё не шьешь”. — “Сошью, дедонька, сошью!”. Кричу: “Мам, мам, погляди-кась, мне что приснилось-то!” — “Что?” — “Встаем утром, чуть свет будет — и мы пойдем с тобой, я тебя поведу на колодезь. Ты обещала сходить? Обещала...”. Пришли, говорит, на колодезь, умылась я этой водой, и накупалась, напилась, взяла — и забыла уж, который глаз слепее был!.. Все, все прошло. Как чудо, сотворилось как чудо, вот так вот... Вот, кричит, старичок пришел и сказал, вот так вот. И мы, кричит, пошли к Николай Угоднику» (зап. от Е. В. Киреевой, 1938 г. р., в с. Сара Сурского района [АА 2006]).

Приведенный текст близок к легендарным и агиографическим рассказам, основой сюжета которых служит мотив сновидения.

Еще один распространенный способ проявления чудесного в сновидениях — способность снов сбываться. Само установление связи между предсказанием и

произошедшим затем событием есть гарантия того, что вещей сон не забудется и в дальнейшем будет неоднократно пересказываться [Лурье 2002; Сафронов 2004]. Связь «сон — событие» подкрепляется соответствующим эмоциональным настроением рассказчика и участника описываемых событий: сбывшийся сон нередко поражает, удивляет, пугает, что позволяет оценивать произошедшее как чудо. Приведем показательный пример: «Брат умер, еще недели нет, старший брат... Я сначала вижу сон, вижу сон, он мне говорит: “Алла, можно приехать недельки на полторы пожить?” <...> Я говорю: “Да, Господи, приезжай, пожалуйста!” <...> И вот в тот день, как умереть, я утром встала [после сна — Е. С.] и мужу говорю: “Не знай, позвонить мне в Новосибирск [где жил брат — Е. С.], не знай, не надо?” — “А чё, — говорит, — вчера только разговаривала!”. А я говорю: “Да спросить, мне кажется, не умер ли?”... Вот почему-то, знаете, сразу такое предчувствие, что вот он [брат] умер. <...> И вот хожу, вышла вот сюда в палисадник, хожу, села вот сюда еще, как заплакала. Он [муж] вышел, говорит: “Ты чё опять плачешь?”. Я говорю: “Вот мне кажется, Борис умер!..” — “Ну, позвони, узнай!”. И вы знаете: не успела я прийти домой <...> и вдруг телефон — звонок: “Алло, алло! Умер брат!”» (зап. от А. Н. Лариной, 1937 г. р., в с. Сухой Карсун Карсунского района [АА 2004. Соб. Е. В. Сафронов]).

Наиболее яркие проявления чудесного в сновидениях связаны с мотивом оставленного следа. Механизм соотношения с действительностью в таких текстах напоминает рассказы о сбывшихся снах: «У моей знакомой, у нее умерла родная сестра, а потом она, эта родная сестра, покойная, является ей во сне и говорит: “Хочешь, я тебе покажу, где я сейчас нахожусь?” [умершая сестра вводит сновидицу, показывает тот свет — Е. С.]. <...> И, значит, <...> такие, как ворота, там двери стали закрываться и сестра говорит: “Ну, все пора, быстрей, — говорит, — пора возвращаться, тебе здесь нельзя оставаться!”. <...> И чтобы успеть, она [умершая сестра — Е. С.] ее толкнула, ну, во сне толкнула, чтобы она быстрее через эти двери прошла, и потом ворота сомкнулись, и она проснулась. И когда она утром встала

с кровати, она увидела, что на теле у нее синяки, то есть остались синяки от того, ну, от того толчка, когда сестра ее толкнула» (зап. от Г. В. Леонтьевой, 1963 г. р., в г. Ульяновске [ФА КЛ УЛГПУ 2004. Соб. Е. Лобанова]).

«Ее [знакомой рассказчицы — Е. С.] муж курил трубку, так вот, когда он умер, то трубку никто не мог найти. Она исчезла. А на девятый день после его смерти его жене приснилось, что муж входит в комнату с трубкой в руке, кладет трубку на стол и уходит. Когда она проснулась, то трубка и на самом деле лежала на столе. Откуда она появилась, никто не знает. А трубка эта и до сих пор хранится у соседки» (зап. от Т. А. Волковой, 1985 г. р., в г. Ульяновске [ФА КЛ УЛГПУ 2004. Соб. Т. Волкова]).

Проявление чудесного здесь как бы подтверждено оставшимся после сна свидетельством (синяки, трубка). Связь оставленного следа со сновидением не позволяет сомневаться в достоверности произошедшего во сне, что служит основой для оценки случившегося как чуда.

Отметим близость приведенных рассказов к быличкам: в них также встречаются мотивы оставленного приходящим покойником следа в виде мнимых подарков [см. Зиновьев 1987, Б1-8ц].

Сновидения нередко воспринимаются не только как способ коммуникации с иным миром, но и как возможность побывать на том свете. В данном случае рассказы о снах типологически (вероятно, в определенной степени, и генетически) сближаются с рассказами о чудесных путешествиях. Достаточно назвать такие известные памятники древнерусской литературы, как «Хождение Зосимы к рахманам», «Сказание отца нашего Агапия», рассказ о новгородцах в «Послании...» Василия Калики, Житие Макария Римского и др. [Сказание о хождении Агапия 1971; Успенский 2002; Житие Макария Римского; Шилов 1999; Салмина 1987; Панченко 1987; Ванеева 1989].

Из фольклорных жанров к рассказам о такого рода сновидениях ближе всего стоят так называемые обмирания, основой сюжета которых также является контакт с иномирными персонажами. Такие повествования часто имеют вопросно-ответную форму: визионер спрашивает, персонаж-проводник отве-

чает [см. подробнее: Толстая 1999, 2002; Лурье, Тарабукина 1994; Грицевская, Пигин 1993; Пигин 2006, 7 и др.].

Приведем один из развернутых рассказов о снах с мотивом посещения того света: «Вот сон этот я не забуду: вот видела я его больно уж в цветах, [умершего] мужа: вот что ни иду — цветы, что ни иду — во все цветы — вот уж всякими, всякими цветами, а я будто иду, а мне навстречу идут вроде как женщины. “Ты далеко ли идешь?” — вроде меня спрашивают. “Да иду вот сюды — к мужику”. — “О-ой, ты, грит, к нему не дойдешь: туды что ни пойдешь, то еще больше цветов, да”. И вернули будто меня две женщины в черном, вернули, меня: “Айда-ка, мы тебе еще чего покажем”. — “Чего, мол, покажете вы?” — “Вот где, грит, упокойники те еще — вот стары-то, стары-те”. — “Где, мол?”. Вот будто в гору, в гору пришли, и туда будто вдолблена как яма какая-то туды, и мы туды, меня завели, окошков нигде нет, а светло. “Вот, грит, мы здесь находимся”. — “А как же вы, мол, здесь?” — “Мы, грит, всё здесь видим”, — вот в такую в темну вещь меня ввели, вот там как в горе врыто в какое, в яму, вот мне показали...» (зап. от М. Д. Заплаткиной, 1923 г. р., в с. Потьма Карсунского района [АА 2005]).

Несмотря на указанную близость двух групп текстов, для обмираний, в отличие от рассказов об иномирных сновидениях, характерна гораздо большая определенность и более жесткая структура [Толстая 2002, 212]. Эта разница проявляется, в частности, в том, что иномирные сновидения менее жестко связаны с идеями загробного воздаяния, нежели это наблюдается в обмираниях. В большинстве рассказов о снах условия существования покойников либо ничем не мотивированы, либо обусловлены поступками живых.

С проявлениями чудесного в сновидениях также связаны мотивы получения во сне необычайных способностей, сохраняющихся после пробуждения. В рассказах о снах эти мотивы встречаются относительно редко. В основном, тексты с данными мотивами фиксируются от так называемых «знающих» людей или их окружения. Тексты подобного рода составляют часть обязательного нарративного фонда любого «знающего», в который включаются

также рассказы о случаях исцеления, передаче «знаний», былички об оборотничестве и т. п. Например: «*Видала я во сне Божью Матерь, и я ее брала за руку, из воды я ее вроде вытащила, из колодца, и она мне говорит: “Я тебе должна, я тебе уплачу, мол...”*». Я [говорю]: «*Мне ничё не надо, мне только чего я хочу, я вот хочу помогать людям, мне охота, а я ничё не знаю*» <...> [Богородица дарует сновидице силу исцелять; на селе она считается «знающей» — Е. С.]» (зап. от А. Ф. Матрехиной, 1936 г. р., в с. Сухой Карсун Карсунского р-на [АА 2004. Соб. В. Сафронов, К. Туркин]).

На наш взгляд, последний пример можно рассматривать в одном типологическом ряду с текстами и представлениями, характерными для многих традиционных культур, в которых дар исцелять, камлать, предсказывать будущее, исполнять эпические произведения так или иначе связывается со сновидениями и рассказами о них [Новик 1984, 191—203; Жирмунский 2004, 358—370].

Отметим, что высокий статус способностей, приобретаемых во сне, изначально создается благодаря сакральности персонажа, который наделяет сновидца даром лечить. Этот статус необходимо периодически подтверждать, как бы напоминать о нем. Данную функцию (наряду, например, с рассказами об исцелениях), также могут выполнять сновидения. Так в приведенном ниже тексте мотив приобретения сверхъестественных способностей во сне служит для подтверждения высокого уровня ясновидения и лечения: «*Вот женщина мне [во сне] показала — Непалинья Скупиня, в детстве еще, что она до меня палочкой дотронулась — и я полетел, летал. Это ясновидение она мне дала... Она с детьми ехала на тройке зимой. <...> Я летаю во сне, когда ко мне приезжают люди [на лечение — Е. С.], я летаю и вижу этого человека, кто ко мне придет...*» (зап. от А. М. Тихонова, 1954 г. р., в с. Сухой Карсун Карсунского р-на [АА 2004. Соб. Е. В. Сафронов, К. Туркин]).

Примечательно, что, по словам информанта, он часто рассказывает о своих снах клиенту, пришедшему к нему: такие рассказы, безусловно, влияют как на каждый конкретный случай излечения, так и на общее отношение окружающих к целителю.

Рассказы о чудесном обретении способности исцелять и ясновидения, наряду с остальными текстами из нарративного фонда того или иного «знающего», создают своеобразный личный миф целителя. Это позволяет ему успешно осуществлять свою деятельность и занимать вполне определенную позицию в микросоциуме. Уместно напомнить здесь мысль С. Б. Адоньевой о том, что «индивидуальный фольклорный репертуар» является «одним из маркеров социального места человека» [Адоньева 2004, 17].

Таким образом, наряду с близостью концептов «чудо» и «сновидение» в языке и культуре, мы можем говорить о конкретных проявлениях чудесного в рассказах об иномирных снах. Чудесное в данных текстах выполняет, в основном, функцию фона (контекста) для описания контакта, развертывающегося между нашим и иным мирами. Главные цели рассказа о таком контакте — подтверждение необходимости выполнения традиционных правил или указание на их нарушение, пополнение знаний об инобытии и др. Оценка произошедшего контакта как чуда является общей эмоциональной подоплекой рассказа, усиливающей достоверность сообщения.

Указанная оценка может в той или иной степени изменяться из-за сходства в описаниях нашего и иного миров («повседневного» характера контакта), а также в случае, когда сон интерпретируется как логический ответ на определенные действия сновидца и его окружения. Например, тот, кого забыли помянуть, приходит во сне, чтобы напомнить о поминках. Дидактическое начало в такого рода рассказах явно доминирует над оценкой случившегося как чуда.

Литература

- Адоньева 2004 — Адоньева С. Б. Прагматика фольклора. СПб., 2004.
 Айвазян, Якимова 1975 — Айвазян С., Якимова О. Указатель сюжетов русских быличек и бывальщин о мифологических персонажах // Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975. С. 162—191.
 Ванеева 1989 — Ванеева Е. И. Хождение Зосимы к рахманам // Словарь книжности и книжников Древней Руси / отв. ред. Д. С. Лихачев. Вып. 2 (Втор. пол. XIV—XVI вв.). Л., 1989. Часть 2. Л.—Я. С. 489—491.

- Грицевская, Пигин 1993 — *Грицевская И. М., Пигин А. В.* К изучению народных легенд об «обмирании» // *Фольклористика Карелии*. Петрозаводск, 1993. Вып. 8. С. 48—68.
- Даль 1998 — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 тт. М., 1998. Т. 4.
- Жирмунский 2004 — *Жирмунский В. М.* Легенда о призвании певца // *Жирмунский В. М. Фольклор Запада и Востока. Сравнительно-исторические очерки*. М., 2004. С. 358—370.
- Житие 2007 — *Житие Макария Римского* // Интернет-сайт «Восточная литература». 2001—2007 // www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Vuzanz/V/Vita_Makarius_Rim/text.htm.
- Зеленин 1995 — *Зеленин Д. К.* Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки / вступ. ст. Н. И. Толстого; подгот. текста, коммент., указат. Е. Е. Левкиевской. М., 1995.
- Зиновьев 1987 — *Зиновьев В. П.* Указатель сюжетов-мотивов быличек и бывальщин // *Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири* / сост. В. П. Зиновьев. Новосибирск, 1987. С. 305—320.
- Исупов 2007 — *Исупов К. Г.* Сон // *Культурология. Энциклопедия: в 2 тт.* / гл. ред. С. Я. Левит. М., 2007. Т. 2. С. 527—528.
- Кабакова 1999 — *Кабакова Г. И.* Дети некрещеные // *Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 тт.* / под ред. Н. И. Толстого. М., 1999. Т. 2: Д—К (Крошки). С. 86—88.
- Ле Гофф 2001 — *Ле Гофф Ж.* Средневековый мир воображаемого / общ. ред. С. К. Цатуровой. М., 2001.
- Листова 2001 — *Листова Т. А.* Религиозно-нравственное отношение к деторождению в русской семье // *Православная жизнь русских крестьян XIX—XX вв.* М., 2001. С. 36—52.
- Листова 2002 — *Листова Т. А.* Народные представления о душе, связанные с деторождением // *Православная вера и традиции благочестия у русских в XVIII—XX вв.* М., 2002. С. 101—127.
- Лосев 2001 — *Лосев А. Ф.* Диалектика мифа. Дополнение к «диалектике мифа». М., 2001.
- Лурье, Тарабукина 1994 — *Лурье М. Л., Тарабукина А. В.* Страна души по тому свету в русских обмираниях // *Живая старина*. 1994. № 2. С. 22—26.
- Новик 1984 — *Новик Е. С.* Обряд и фольклор в сибирском шаманизме: Опыт сопоставления структур. М., 1984.
- Ожегов 1998 — *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1998.
- Панченко 1987 — *Панченко А. М.* Василий Калика // *Словарь книжности и книжников Древней Руси*. Вып. 1 (XI — перв. пол. XIV вв.). Л., 1987. С. 92—95.
- Панченко 2002 — *Панченко А. А.* Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М., 2002.
- Пигин 2006 — *Пигин А. В.* Видения потустороннего мира в русской рукописной книжности. СПб., 2006.
- Руднев 1997 — *Руднев В. П.* Сновидение // *Руднев В. П. Словарь культуры XX века: ключевые понятия и тексты*. М., 1999. С. 281—284.
- Салмина 1987 — *Салмина А. М.* Апокриф о Макарии Римском // *Словарь книжности и книжников Древней Руси*. Вып. 1 (XI — перв. пол. XIV вв.). Л., 1987. С. 41—43.
- Сафронов 2004 — *Сафронов Е. В.* «Вещее» сновидение и «сбывшееся» событие: механизмы соотнесения // *Народная культура Сибири: Материалы XIII научного семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору* / отв. ред. Т. Г. Леонова. Омск, 2004. С. 220—224.
- Сафронов 2006 — *Сафронов Е. В.* «Иной мир» в рассказах о сновидениях и представлениях, связанных с похоронно-поминальной обрядностью русских // *Сны и видения в славянской и еврейской культурной традиции* / отв. ред. О. В. Белова. М., 2006. С. 115—130.
- Сказание 1971 — *Сказание о хождении Агапия* // *Успенский сборник XII—XIII вв.* / под ред. С. И. Коткова. М., 1971. С. 463—474.
- Сукина — *Сукина Л. Б.* Вера в чудо и традиции обыденного благочестия в русской художественной культуре XVII века // *Информационный портал Центра изучения православия и древнерусской культуры* // drevn.narod.ru/sukina_chudo.htm.
- Толстая 1999 — *Толстая С. М.* Полесские «обмирания» // *Живая старина*. 1999. № 2. С. 22—23.
- Толстая 2002 — *Толстая С. М.* Иномирное пространство сна // *Сны и видения*. 2002. С. 198—219.
- Толстой 1994 — *Толстой Н. И.* Славянские народные толкования снов и их мифологическая основа // *Сон — семиотическое окно: XXVI-е Випперовские чтения* / под общей ред. И. Е. Даниловой. Милан, 1994. С. 89—95.
- Успенский 2002 — *Успенский Б. А.* История и семиотика // *Успенский Б. А. Этюды о русской истории*. СПб., 2002. С. 9—76.
- Фрумкин — *Фрумкин К.* Теории чуда в XX веке // kulturolog.narod.ru/losev.html
- Шилов 1999 — *Шилов П. Н.* Видение Макария Римского в севернорусской книжности // *Мастер и народная художественная традиция русского Севера (доклады III научной конференции «Рябининские чтения 99»)*. Петрозаводск, 2000.

Список сокращений

АА — архив автора.

ФА КЛ УлГПУ — Фольклорный архив кафедры литературы Ульяновского государственного педагогического университета.